

*Комарова Яна Валерьевна, студент Юридической школы
Дальневосточный федеральный университет, Г. Владивосток*

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИХ ОПРЕДЕЛЕНИИ

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что на сегодняшний день привлечение к субсидиарной ответственности является наиболее популярным и эффективным механизмом. В статье выявляются основные характеристики контролирующего должника лица путем исследования, установленных законом признаков и выделяются актуальные упущения и проблемы в определении статуса КДЛ.

Ключевые слова: Контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, Закон о банкротстве, презумпция

Annotation: The relevance of the study is due to the fact that today bringing to subsidiary liability is the most popular and effective mechanism. The article identifies the main characteristics of the controlling person of the debtor by examining the characteristics established by law and highlights the current omissions and problems in determining the status of the controlling person of the debtor.

Keywords: Controlling person of the debtor, subsidiary liability, Bankruptcy law, presumption.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) является новым в российском законодательстве, при этом сама субсидиарная ответственность, как гражданско-правовой институт, известна еще со времен римского частного права. Тем не менее, с учетом быстро происходящих изменений в законодательстве, необходимо отметить наличие

пробела в сфере изучения актуальных признаков контролирующих лиц и проблем в их определении, поскольку большая часть научных исследований посвящена лишь ответственности таких лиц.

Целесообразно отметить, что российским законодателем были предприняты попытки зафиксировать определение «контролирующее должника лицо» в Гражданском кодексе нашей страны, более того, проект был на рассмотрении в Государственной Думе РФ, однако попытка осталась нереализованной, и уже во втором чтении положения были изъяты из проекта рассмотрения [9].

В 2017 году в институте банкротства произошли некоторые реформы, а именно, ст. 10 Федерального закона о несостоятельности (о банкротстве) утратила силу, однако на ее смену пришла новая глава III.2, посвященная ответственности субсидиарного должника [10].

Кроме того, в том же 2017 году, Верховный суд (далее - ВС) дал разъяснения о порядке применения названных положений в Постановлении Пленума N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве"[8], а налоговые органы предложили свои разъяснения о порядке применения новой главы в Письме ФНС России от 16.08.2017 года [4].

Итак, в новом п. 2 ст. 61.10 Федерального закона № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» приведен перечень прямых признаков, позволяющих сделать вывод о наличии у лица возможности определять действия должника [11].

Буквально истолковав данную норму, определяем, что де-юре контролирующим может быть признано практически любое должностное лицо, в том числе и имеющее полномочие на совершение сделок от имени должника (например, действующее на основании доверенности); лицо, входящее в круг знакомых лиц должника и связанное с ним должностными полномочиями (например, бухгалтер или финансовый директор), а также практически любое

лицо, находящееся в неформальных отношениях с должником (например, супруга).

В данном случае целесообразно отметить, как минимум, одно явное несовершенство данной нормы Закона, а именно, налицо возникает столкновение сфер регулирования отраслей права (семейное право и иных). Разрешая вопрос конкуренции данных сфер, стоит отметить, что каждая отрасль права обладает характерными чертами, и законодательство о банкротстве не исключение.

Еще более радикальной позицией в вопросе определения статуса КДЛ на наш взгляд является позиция Федеральной налоговой службы, так ФНС полагает, что в основу признания за лицом статуса «контролирующий», могут быть положены любые неформальные связи. В понятие неформальных связей ФНС вкладывает даже совместное проживание в незарегистрированном браке [4]. Стоит отметить, что данная позиция не нашла поддержки в судебной практике [2] поскольку предполагает чересчур размытое толкование понятия КДЛ [6], но тем не менее, в исключительных судебных актах, указанная позиция не осталась незамеченной [5].

В свою очередь, Верховный суд в определении КДЛ имеет несколько отличную позицию, так судом установлен более высокий стандарт доказывания для признания статуса КДЛ. Так, при привлечении должника к субсидиарной ответственности, судом должна быть установлена реальная сопричастность данного лица к противоправным действиям основного должника, и, в случае его реальной вовлеченности, необходимо установить действительно ли субсидиарный должник повлиял на решения, принятые основным должником, и, в случае положительного ответа, суду необходимо определить значение принятых решений [8].

Безусловно, невозможно не согласиться с позицией Верховного суда, однако хотелось бы отметить один из пробелов, вытекающих из Постановления. Так, в Постановлении отсутствуют условия, по которым арбитражным судам следовало бы признавать лицо контролирующим и

выявлять, насколько значительна была существенность его выгоды, полученной в рамках неправомерной сделки.

В поддержку тезиса о том, что позиция ВС по признанию КДЛ является взвешенной стоит отметить, что по определению Верховного суда, контролирующее должника лицо, не может быть признано лишь на принципе того, что оно состояло в отношениях родства или свойства с членами органов управления должника [8].

Хочется обратить внимание на то, что ранее упомянутые лица могут быть признаны КДЛ на общих основаниях, но при их признании, необходимо учитывать преференции, вытекающие из факта наличия отношений родства, свойства и т.д.

Далее, продолжая анализировать пробелы в законодательстве в аспекте признания статуса контролирующего должника лица, стоит отметить, что абз. 1 и абз. 3 п. 2 ст. 61.10 Федерального закона о несостоятельности в общем толковании дублируют возможность определять действия должника в силу должностного положения [11].

По-нашему мнению, данный повтор нецелесообразен, однако следует предположить, что в абзаце 1 законодатель обращает внимание на сторонних по отношению к должнику лиц, а в абзаце 3 вероятно говорится о должностном положении в рамках одной организации должника (например, замещение должности) [11].

Также стоит отметить, что рассмотренный в абзаце 2 п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве признак не может не быть подвергнут критике. Так, в данном абзаце речь идет о возможности определения действий должника в силу наличия полномочий на совершение сделок от его имени на основании специального полномочия [11].

Отталкиваясь от толкования понятия «представитель», как правило, подразумевается лицо, действующее на основании полномочия, выданного напрямую доверителем. Однако, в абзаце 2 п. 2 ст. 61.10 ФЗ Закона о банкротстве нарушается логика, поскольку, по мнению законодателя,

доверенное лицо (в данном случае – КДЛ), действуя на основании доверенности или иного специального полномочия, контролирует доверителя (в данном случае - основного должника). Не секрет, что контролирующее должника лицо вероятнее всего не заинтересовано в разоблачении своего статуса [3]. Тем не менее, если лицу были переданы полномочия на совершение от имени должника сделок, не носящих специфический характер – такое лицо может быть признано контролирующим на общих основаниях [8].

В заключение хочется отметить опровержимые презумпции контролирующего должника лица, установленные п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве. Предполагается, что данные презумпции могут облегчить доказывание наличие статуса КДЛ, однако, по мнению автора, исходя из данных презумпций, мы можем столкнуться с проблемой доказывания не наличия статуса КДЛ, а с проблемой доказывания его отсутствия, тяготы которой перекладываются на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности [8].

Таким образом, рассмотренные в Законе о банкротстве признаки для определения статуса КДЛ на сегодняшний день являются наиболее используемыми в судебной практике, тем не менее, их список не является исчерпывающим, то есть признание статуса КДЛ может быть осуществлено и по другим признакам.

Целесообразно подчеркнуть, что на наш взгляд, судами должна устанавливаться степень вовлеченности лица в процесс управления подконтрольным лицом, а также степень значимости принимаемых решений в масштабах деятельности организации [1].

Библиографический список:

1. Данченко С.П. Банкротство ООО // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2019. N 4. С. 76 // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».

2. Шиткина И.С. Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2018. N 2. С. 7.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ [Электронный ресурс] // Информационно-правовое обеспечение «Гарант».

5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2019 N 08АП-16196/2018 по делу N А75-2144/2017 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 22.07.2014 N Ф07-3826/2014 по делу N А56-17656/2013м [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 31.08.2017 по делу N А79-2989/2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве" [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Проект Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в ред., принятой ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 29.07.2017 г. N 266-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».